

ПОСЛЕ ИГИЛ: «ДЖИХАДИСТСКИЙ ЭТАТИЗМ» В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

© 2017 Л. ФИТУНИ

Несмотря на широко распространенное восприятие ИГИЛ в качестве общественного феномена, прямо противоположного и крайне враждебного установкам и практикам светского государства, лидеры самопровозглашенного халифата ИГ в жизни реализуют этатистскую политику, зиждущуюся на базовых ценностях ислама и мировоззрении джихадизма. Автор прогнозирует, что после военного разгрома ИГИЛ сама по себе концепция «джихадистского» этатизма не исчезнет, но, мимикрируя под изменившиеся геостратегические реалии, приобретет другие формы и, возможно, новые географические привязки, сохранив на долгосрочный период целевой заряд государствообразующего императива с мощной религиозной основой.

Ключевые слова: радикальный ислам, терроризм, этатизм, джихадизм, исламизм, ИГИЛ, диаспоры, мусульмане

POST-ISIS: JIHADI STATISM IN STRATEGIC PERSPECTIVE

Leonid L. FITUNI, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences; Dr.Sc. (Economics), Professor; Deputy-Director, Institute for African Studies, RAS; member, Editorial Board, "Aziya i Afrika segodnya" journal (africa.institute@yandex.ru)

Despite the widespread perception of ISIS as a social phenomenon opposite hostile attitudes to Secular state, leaders of the self-proclaimed Caliphate have been exercising statist policies based on Islamic values and the Jihadi worldview. Fundamentally the Jihadi Statism is akin to other historic forms of statism widely spread in the Middle East. Through all the years of the existence of IS statism constituted one of the basic principles of its cultural, educational, economic and foreign policy. The author predicts that after the military defeat of ISIS, the «jihadi» statism will not disappear, but, having adjusted to the changed geo-strategic realities, will acquire other forms and perhaps a new geographical references for the purpose of preserving long-term targets of statal-imperatives with a powerful religious base.

Keywords: radical Islam, terrorism, statism, jihadism, Islamism, ISIS, diaspora, Muslims

В начале XXI в. впервые приобрел законченные конкретные очертания социально-политический феномен, с которым до сих пор человечество сталкивалось лишь в эпизодических зачаточных проявлениях. На значительных пространствах Ближнего и Среднего Востока, Северной и Северо-восточной Африки, зоны Сахеля, побережья Гвинейского залива, Центральной Азии и очагово от Балкан до Филиппин развернулся мощный процесс огосударствления структур международного терроризма, действующего под религиозным флагом.

Террористические организации стали сливаться в государственное формирование нового типа, присвоившего себе название Исламское государство (ИГ/ИГИЛ). Формой государственной организации и правления был провозглашен новый *халифат*, соединивший в себе характеристики теократической монархии, «мусульманского Интернационала», международного военно-политического альянса, НПО и трансграничной организованной преступной группировки. В политической публицистике и широкой печати новый халифат полностью отождествляется с ИГИЛ. Эта террористическая структура выросла из иракско-

го отделения «Аль-Каиды», разросшегося и окрепшего после американской агрессии в Ираке, и вскоре распространила свое влияние на зону племен в иракско-сирийском пограничье, а позже на соседнюю Сирию и за ее пределы.

Хотя ИГИЛ действительно является становым хребтом Халифата, сводить все международные и местные проблемы, неразрывно связанные с его существованием и экспансией, только к вопросу террористической деятельности и угрозе безопасности государств Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) было бы недопустимой ошибкой. Его идейной основой стал воинствующий

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-07-00009 «Феномен "Исламского государства" в контексте развития современного восточного общества».

ФИТУНИ Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Африки РАН, член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня». РФ, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1 (africa.institute@yandex.ru)

джихадизм собственной трактовки, включающий и по многим позициям провозглашающий *приоритет исламистского государственного строительства*. Возникновение нового халифата - вызов безопасности глобального масштаба.

Принципиально важным моментом, позволяющим говорить о качественной новизне рассматриваемого феномена, явился акцент и противопоставление собственной трактовки и проповеди «чистого ислама» всем существующим «государственным» интерпретациям учения Пророка, в т.ч. и тем, которые распространяются и пропагандируются наиболее консервативными арабскими монархиями. Не случайно последние, сначала тайно, но обильно подкармливавшие религиозно-террористическую группировку и ее *халифат* деньгами, почувствовав их нарастающее влияние в мусульманском мире и увидев в них угрозу и крепнущего конкурента, со временем переметнулись в стан «антитеррористической коалиции».

ЭТАТИЗМ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ВОСТОКА

Сегодня, в эпоху активного расшатывания устоев и скреп суверенного государства, мейнстрим западного обществоведения хотя и признает, что реализация принципов этатизма напрямую не ведет автоматически к диктатуре или тоталитарному обществу, но все равно относится к этатистским практикам с сильной настороженностью. Напротив, восходящие государства, особенно те из них, что претендуют на укрепление своих экономических и политических позиций на внутреннем и внешнем поле, нередко отрицая этатизм на словах, активно реализуют этатистскую политику на деле.

Несмотря на западное происхождение термина, сам принцип этатизма в его современном понимании не является чем-то неизвестным и чуждым для государств Ближнего и Среднего Востока. Доктрина этатизма была принята на вооружение Кемалем Ататюрком в его усилиях по построению новой, современной Турции и созданию светского государства. 3 марта 1924 г. «навсегда» был упразднен Османский халифат (духовная власть оттоманских султанов над всеми мусульманами). В 1926 г. в стране был принят гражданский кодекс, построенный по европейскому образцу. Он упразднил господство в государстве норм мусульманского права, в частности, было запрещено многоженство.

В 1928 г. новый меджлис - Великое национальное собрание Турции - исключило из конституции фразу о том, что «ислам является государственной религией». Тем самым церковь была окончательно отделена от государства. В 1931 г. принцип этатизма (*devletcilik ilkesi*) был закреплен в качестве основополагающего в программе Народно-республиканской партии (НРП), а в 1937 г. включен в Конституцию Турецкой Республики в качестве официальной доктрины.

Следует отметить, что в Турции этатизм - один из шести основных принципов Народно-республиканской партии (их символизируют «шесть стрел» на эмблеме НРП) - хотя и являлся универсальным, особенно эффективно использовался как основа экономической политики.

Большинство востоковедов, и в особенности специалистов по Турции, считают, что именно политика этатизма позволила стране добиться ускоренного развития национальной экономики. Конечно, конкретная интерпретация термина и доктринальные установки не оставались неизменными с 1930-х гг. Так, в 1960-е гг. в связи с фундаментальной трансформацией турецкой экономики, по сравнению со временами «Отца нации», был выдвинут лозунг «нового этатизма», который тогда отражал так и не сбывшиеся впоследствии надежды на скорую интеграцию в общеевропейские экономические пространства [1; 2; 3].

Объективно распространению доктрин «этатизма» на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке способствовали такие, казалось бы, разные реалии 1930-х - начала 1960-х гг., как международное возвышение и экономические успехи Советского Союза, ставшие апогеем достижений этатизма левого толка, и одновременное с этим доминирование в интеллектуальном мейнстриме и экономической политике на Западе кейнсианских подходов, отводивших государству ведущую роль в регулировании и направлении ключевых макроэкономических процессов и позволивших выйти из Великой депрессии и мирового экономического кризиса.

Принцип этатизма лег в основу государственного строительства практически всех арабских и целого ряда соседних с ними государств после Второй мировой войны. Даже на том раннем этапе египетские «Свободные офицеры», Гамаль Абдель Насер, Абдель Хаким Амер, Хусейн Хамуда, Камаледдин Хусейн, Халед Мухеддин, Салах Наср, Саад Тауфик собирались строить новое Египетское государство, в первую очередь, на этатистских принципах. Именно мечта о воссоздании величия египетского государства подтолкнула в дальнейшем большинство из них к идеям более зрелого национализма и арабского социализма. Позднее все национальные ветви Партии арабского социалистического возрождения («Баас») и Арабского социалистического союза (АСС) эксплицитно или имплицитно включали этот принцип в свои программные документы.

ДЖИХАДИСТСКИЙ ЭТАТИЗМ

В XXI в. воплощение ИГИЛ на практике идеи «воссозданного» халифата породило политический феномен «джихадистского» этатизма. В нем формальным источником права являются Коран, хадисы и вспомогательные элементы мусульманской правовой традиции, объединяемые категори-

ей «шари'а» (шариат). Однако с момента самопровозглашения ИГИЛ «исламским *государством*» в сущностном отношении мы имеем дело со специфической, мимикрировавшей под проявление религиозного экстремизма формой этатизма в переживающем этап болезненной трансформации восточном обществе.

Хотя у кого-то может возникнуть соблазн отождествить эту трансформацию с модернизацией, такой посыл, на наш взгляд, неточен. Происходящие в обществах Ближнего Востока и Северной Африки процессы не сводятся только к обновлению и «осовремениванию» (т.е. к модернизации в исходном, семантическом значении слова). Синхронно имеют место и мощный поток попятного движения, и шараханья в поисках альтернативных форм общественного бытия, совмещающих несовместимое - прогресс и реакцию, новейшие технологии социальной инженерии и «воспитательные практики» времен средневековья, массовые казни и создание систем избирательной социальной поддержки вдов и детей.

При всем своем извращенном колорите этот этатизм не противоречит первичной сути этатизма - отведению приоритетной роли создания и развития государства, которое, в свою очередь, становится главным механизмом достижения провозглашаемых политических, экономических и идейных задач развития общества.

В случае «джихадистского» этатизма, несмотря на пропагандистский пафос и призывы к разрушению светского государства, несмотря на то, что вокруг ИГ создан ореол торжества анархии и аномии, ИГИЛ недвусмысленно и достаточно последовательно для условий войны реализовало этатистскую политику в области строительства исламского государства. И сколь бы ни жестка была параллель, «джихадистский» этатизм по своему духу и исходным корням родственно близок к ранним проявлениям упомянутых выше типов этатизма на арабском и, шире, мусульманском Востоке.

Этатизм ИГИЛ вовлекает мусульманскую умму в активное «государственничество» в форме навязываемого противостоящему миру вновь созданного халифата. Последний позиционируется как высшая светская ценность для всех правоверных, поскольку именно в нем и через него стала возможна наиболее полная и беспрепятственная реализация законов ислама и его царства на земле.

Правда, при этом джихадистские лидеры оставили за собой право устанавливать конкретные пределы действия и формы реализации в нем мусульманских правовых норм. Что касается места общегуманитарных ценностей в практике джихадистского этатизма, то они, хотя и не отрицаются напрочь, не признаются в качестве самостоятельных, а лишь во взаимосвязи или в качестве производных от ценностей ислама.

Как пишет азербайджанский историк Таят

Наджафалиев, «ИГ в некотором роде - вызов “греховному” западному миру, растленным плутократическим режимам и правителям. Исламизм - есть тотальная государственная идеология. Ее важнейшая черта - этатизм, т.е. вера в установившую роль идеократического государства. Ислам чувствителен к темам равенства и социальной справедливости. Важную роль в распространении ислама и его исламских политических движений играют его эгалитарные лозунги: “Все мусульмане — братья”, “Все мусульмане равны перед Аллахом” и т.д.» [4].

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ ХАЛИФАТУ

С точки зрения идеологии, ИГИЛ/ИГ позиционирует себя как теократическое государство, в чем прослеживаются определенные идейные и административно-организационные параллели и одновременное противопоставление себя двум другим теократиям региона - суннитской Саудовской Аравии и шиитскому Ирану. Однако ни первая, ни вторая теократия не решилась формально провозгласить себя Халифатом, что автоматически обозначало бы претензии на земли других мусульманских стран.

В отличие от них, при провозглашении ИГ было декларировано, что по мере расширения Халифата и вступления его войск на ту или иную землю легитимность всех иных правителей, группировок, государств и организаций на данной территории становится ничтожной [5]. Это означает, в т.ч., и уничтожение границ, установленных на Ближнем Востоке странами-победительницами после Первой мировой войны. В случае ухода «воинов Аллаха», вступившие в освобожденные районы местные игроки оказываются перед соблазном вновь начать передел земель в качестве и по праву победителей «поверженного халифата». Тем самым фактически происходит международная правовая легитимизация недавней территориальной политики Халифата.

Многие установки «джихадистского» этатизма в области внешней политики были сформулированы еще стратегами «Аль-Каиды» и стали частью программных установок ИГИЛ еще в ее «иракский период». У лидеров террористической группировки изначально было понимание того, что любое долгосрочное совместное пребывание, тем более постоянное проживание людей на контролируемых ими пространствах, потребует социальной организации в форме государства, для которого необходимо было найти формы, в наибольшей степени удовлетворяющие, с одной стороны, представления о «царстве исламской справедливости на земле», а с другой, - предписаниям праведности и обязанностям мусульманина в отношении защиты веры и распространения ислама.

Без наличия государства такая задача в современном мире трудновыполнима. Поэтому в стра-

тегию террористов ИГИЛ изначально была заложена не только трансграничная операционно-тактическая активность, но и этатистское начало, направленное на консолидацию государствообразующих сил.

Всемирный исламский халифат - стратегическая идейная цель. В тактическом и повседневном операционном планах его существование должно поддерживаться постоянно - пусть в изменчивых границах, пусть в исторически традиционных фиксированных формах подконтрольных территорий, пусть в новейших формах сетевой организации и управления [6].

В таких условиях обеспечение лояльности членов новой общности Халифату становилось ключевой задачей и гарантией его существования. Лояльность правовой ткани глобального халифата на местах (в противоположность исходной рамочной общности ее фундамента - шариату) одновременно слабость и сила ИГ. С одной стороны, она свидетельствует о том, что ИГ даже на пике своего могущества не дотягивало до уровня административно-правовой консолидации государства в ее современном понимании. С другой - высокая степень свободы интерпретации и практической реализации общих норм шариата как титулованными судьями - *кади*, так и через внесудебные решения вожакими разношерстных групп, присягнувших халифату, служит и для тех, и для других немаловажным привлекательным моментом, формально легитимизирующим их действия и укрепляющим их власть на местах. Это, в свою очередь, становится залогом лояльности указанных лидеров Халифату.

Для обеспечения лояльности джихадисты считают необходимым добиваться решения триединой задачи, формулируемой так: «терроризировать, мобилизовать и поляризовать» [7, pp. 53-55]. Используя крайние методы террора, ИГИЛ стремится запугать гражданское население и правительства БВСА и Запада. При этом, если верить наставлениям идеологов, страх выступает в качестве полезной субсидиарной цели. Главная непосредственная цель - заставить противника предпринять поспешные ошибочные действия с тяжелыми последствиями, которых при других обстоятельствах и будь у властей больше времени и свободы маневра, те стремились бы избежать.

Конкретные виды таких ошибочных действий джихадистами достаточно четко локализируются и дифференцируются.

В арабских странах к ним могут относиться массовые аресты религиозных лидеров, старейшин племен, разгоны и запрет на религиозные собрания, особо предпочтительны в качестве последствий групповые карательные действия властей в отношении детей и молодежи.

В странах Запада нужно добиваться ограничения привычных либеральных свобод, усложнения жизни общества потребления, жестких мер в от-

ношении сограждан-мусульман и мигрантов, внесения и стимулирования противоречий в общественный дискурс по вопросам религиозных свобод, гарантий прав этнических и религиозных меньшинств, социальных выплат и т.д.

При провозглашении ИГ было декларировано, что по мере расширения Халифата и включения в его состав всех земель, заселенных мусульманами, начнется завоевание немусульманских земель [5].

Поэтому заселение мусульманами исторически немусульманских областей считается богоугодным делом, а работе с мусульманскими диаспорами по всему миру придается в рамках джихада такое же военно-стратегическое значение, как непосредственному физическому захвату новых территорий. В ходе недавнего миграционного кризиса административным властям ИГ было дано указание - не чинить препятствий массовому исходу мусульман с территории халифата в Европу [8].

ПОСТСИРИЙСКАЯ ТАКТИКА ИГИЛ

Ныне, в условиях чувствительных военных поражений в Сирии и Ираке, в работе ИГ на Западе упор сделан на формирование лояльности и служения халифату даже в том случае, если он какое-то время будет вынужден существовать преимущественно в виртуальных формах. В идеологических и учебных центрах ИГ широкую популярность приобретает идея распространения «праведной» компьютерной грамотности, под которой понимается извлечение максимальной пользы от возможностей информационно-коммуникационных технологий для интегрирования удаленных мусульманских общин и отдельных мусульман в единую виртуальную умму. Их подталкивают к активному противодействию интеграции в западную культуру, а в случае надобности - и к осуществлению терактов, в т.ч. на всей стратегической глубине территории противника (Париж, Лондон, Берлин, Брюссель и т.д.). По замыслу идеологов ИГИЛ, это должно вести к поляризации в западном обществе. Стимулируется отчуждение и стремление к изоляционизму представителей диаспор, местных мусульманских общин в Европе.

Судя по событиям последних месяцев, на ближайшую перспективу, видимо, принято решение передать задачу осуществления террористических актов за пределами БВСА представителям местных мусульманских диаспор в Европе, Средней, Южной и Юго-Восточной Азии, Австралии и Канады.

В арабских странах ИГИЛ добивается поляризации общества через дистанцирование народных масс от правительств и господствующих элит через обвинение властей в коррупции, обогащении за счет народа и т.п.

Современный терроризм, в частности структуры и отделения ИГИЛ и «Аль-Каиды», уже ис-

пользуют в своих целях готовность государственных акторов в регионе БВСА оказать поддержку тем, кто солидаризируется с ними в использовании фактора суннитско-шиитского противостояния в их геополитических построениях. Следует помнить, что во многих арабских странах районы компактного проживания шиитов одновременно являются территориями, чья юридическая принадлежность оспаривается соседями, если не официально, то неформально, путем ссылок на культурные, идейно-исторические и даже родовые скрепы с единоверцами или соплеменниками по ту сторону границ.

Считается, что таким путем увеличивается привлекательность самопровозглашенного халифата, и тем самым реализуется важная задача поляризации - «ликвидировать нейтральную сторону в обществе путем поглощения или ликвидации» [5].

Несмотря на впечатляющие победы над ИГ/ИГИЛ на многих фронтах, для большинства аналитиков сегодня очевидно, что даже физическое уничтожение очагов самопровозглашенного исламского псевдогосударства на Ближнем Востоке и в Северной Африке, не говоря уже о разброшенных «эмиратах ИГ» от Гвинейского залива до Индонезии и Филиппин, займет достаточно продолжительное время.

ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗЫ

Ни «арабская весна», ни псевдогосударственные проекты воинствующего исламизма не смогли преодолеть общую социально-политическую стагнацию в регионе БВСА. Остаются нерешенными базовые проблемы, существующие многие десятилетия, связанные с его демографической структурой, социальной стратификацией, распределением доходов и запаздывающей модернизацией.

Складывающиеся сегодня общественно-политические и идеологические процессы свидетельствуют о том, что прозападные либеральные и демократические силы в регионе БВСА уступили в соперничестве традиционалистам и националистам. Радикальный ислам и связанные с ним экстремистские и террористические группировки отступают, в основном, благодаря эффективному вмешательству внешних сил. Уровень насилия и конфликтности в регионе уменьшается крайне медленно, в основном за счет снижения числа экстремально варварских и резонансных проявлений терроризма, которые, однако, окончательно не пресечены. Наблюдается смещение акцентов в обосновании причин вооруженных конфликтов с их политико-идеологического содержания (борьба за демократию, против диктатуры) на межконфессиональные и межэтнические.

В 2017 г. в Сирии и Ираке сильно уменьшалась территория, находящаяся под контролем ИГИЛ.

Стоит ли ожидать полного прекращения физического существования псевдогосударства на арабских землях? Если да, как скоро это может произойти? Будет ли это означать окончательное исчезновение феномена ИГ, или оно примет виртуальные формы?

Проведенный выше анализ подводит нас к мысли, что даже физическое уничтожение самопровозглашенного исламского псевдогосударства в регионе БВСА займет достаточно продолжительное время. При благоприятных обстоятельствах отряды ИГИЛ могут в течение нескольких месяцев быть выбиты из последних символически значимых населенных пунктов Сирии и Ирака. Однако это не будет означать полного конца ИГИЛ.

Опыт войны с террористическими группировками в Ливии, Алжире, Западной Африке, Сомали, Афганистане, в Юго-Восточной Азии показывает, что даже будучи вытесненными в пустынные и малонаселенные районы, раздробленные, но связанные между собой группы террористов продолжают довольно долго наносить беспокоящие удары по правительственным силам и объектам, совершать дальние вылазки и устраивать громкие теракты.

Возрастает значение периферийных очагов ИГ - в Магрибе, Нигерии, на Африканском Роге, в Афганистане и в странах АСЕАН. При этом, правда, можно ожидать, что в случае ухудшения положения материнской организации региональные эмираты провозгласят создание ими «новой», независимой исламистской структуры, как это, собственно говоря, произошло при возникновении ИГИЛ.

В условиях взрывного роста информационных и сетевых технологий основная активность организации, скорее всего, будет перенесена на «террористический аутсорсинг». Основные операции будут выполняться спящими ячейками, автономными группами или отдельными индивидуумами. Ответственность будет брать на себя ИГИЛ. Такая тактика применима как в странах региона БВСА, так и в странах Запада. Исполнителей и там, и там будет найти сравнительно легко, как среди местных жителей, так и из числа вернувшихся с БВСА боевиков.

С точки зрения развития идеологических и культурных тенденций как в странах Востока, так и в мусульманских диаспорах за его пределами, предлагаемые радикальным исламом ясные и прямолинейные решения общественных и личностных проблем еще долго будут многим казаться привлекательными. Террористы, даже в неблагоприятных для них усложнившихся условиях, по-прежнему осуществляют мобилизацию своих сторонников и единомышленников, радикализируют и рекрутируют новых.

В этом смысле, в качестве общего вывода, осмелимся утверждать, что в основе наблюдаемого в

последнее время роста радикального ислама на Востоке и политического популизма на Западе лежат близкие первопричины. Несмотря на все различия в риторике и внешних формах, они в значительной мере представляют собой защитную реакцию той части восточного и западного общества, которая не успевает или не в состоянии вписаться в жесткие парадигмы, навязываемые глобализацией.

В средне- и долгосрочной перспективе можно ожидать понижение для Запада актуальности и значимости проблематики непосредственной борьбы с террором на Ближнем Востоке, включая и проблему ИГИЛ. Тема международного терроризма была важна в качестве едва ли не единственной масштабной военной угрозы, оправдывавшей сохранение НАТО после самороспуска СССР и Организации Варшавского договора. В нынешних условиях возобновленной конфронтации с Россией, атмосферы нарастающего взаимного недоверия и рецидивов холодной войны на востоке Европы необходимость в паллиативном противнике в лице терроризма сильно уменьшается.

Это не значит, что проблема международного терроризма на Ближнем Востоке сама по себе сойдет на нет. Запад наверняка будет продолжать использовать этот инструмент для достижения своих региональных и глобальных целей. При этом, скорее всего, географически эпицентр, генерирующий террористическую активность, будет смещен в район Среднего Востока.

Об этом свидетельствуют, как минимум, два новых момента в политическом раскладе сил на БВСА, ставших реальностью после прихода к власти в Вашингтоне Д. Трампа и визита последнего в Саудовскую Аравию в мае 2017 г.

Во-первых, воюющий с ИГИЛ Иран, террито-

рия которого занимает всю западную часть региона Среднего Востока, был назначен Д.Трампом на роль главного спонсора международного терроризма. Во-вторых, одновременно был взят курс на закрытие проблемы Исламского государства: форсировано взятие Мосула, курдские отряды отобилированы на покорение сирийской столицы ИГ - Ракки. Саудовская Аравия взяла на себя работу по постепенному понижению уровня радикализации мусульман на БВСА. Было оказано давление на Катар - главного финансового спонсора «Братьев-мусульман» и других радикальных групп и движений не только в регионе, но и в Африке, Южной и Юго-Восточной Азии и Европе - с тем, чтобы он приступил к свертыванию своей активности.

Скорее всего, силы, заинтересованные в сохранении высокой актуальности проблематики международного терроризма, не будут сидеть сложа руки и попытаются эффективными и привлекающими внимание общественности действиями сохранить проблематику терроризма в списке приоритетных. Как результат, может быть увеличена интенсивность террористических атак в странах Запада, поскольку даже ограниченные по масштабам теракты в Европе вызывают в мировых СМИ большее освещение, чем любые акты терроризма на Ближнем Востоке. Для достижения этих целей будут задействованы новые каналы и формы реализации актов, такие как теракты в исполнении детей, на транспорте в ходе массовых и знаковых политических мероприятий, выборов и т.д.

Перенос центра террористической активности на восток приблизит его к южным границам и глубинным районам России, рубежам ее союзников в Средней Азии, к западным границам Китая, легитимизируя присутствие там внешних для региона сил. Это создаст там новую стратегическую реальность и новые вызовы для близлежащих стран.

Список литературы / References

1. Kemalist Economic Policies and Etatism // Atatürk: Founder of a Modern State. A.Kazancigil and E.Ozbudun (eds.). Hurst and Company, London, 2006, p. 156.
2. Ozay Mehmet. Islamic Identity and Development: Studies of the Islamic Periphery. L., Routledge, 1990.
3. Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. М., 1991. (Kireyev N.G. 1991. The History of Statism in Turkey. M.) (In Russ.)
4. Новый халифат у Азербайджана / New Khalifat by the Borders of Azerbaijan (In Azer.) - <https://haqqin.az/news/31383> (accessed 20.09.2017)
5. «Управление варварством: опаснейший этап, который предстоит преодолеть Умме» - салафистский интернет-ресурс; доступ к оригинальной ссылке заблокирован, в соответствии с законодательством РФ. Цит. по: Ryan Michael W.S. Al-Qaeda's Purpose in Yemen Described in Works of Jihad Strategists // Terrorism Monitor. V. 8. № 4, 28 January 2010; Jamestown Foundation, доступно по ссылке - <https://jamestown.org/program/al-qaedas-purpose-in-yemen-described-in-works-of-jihad-strategists/> (accessed 07.03.2017)
6. Фитуни Л.Л. Трансконтинентальный сетевой терроризм АНГА // Ученые записки Института Африки РАН. 2015. № 2 (33). С. 95-99. (Fituni L.L. 2015. Transcontinental network terrorism of VNSA // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN [Journal of the Institute for African Studies], № 2 (33) (In Russ.)
7. Lister Charles R. 2015. The Syrian Jihad: Al-Qaeda, the Islamic State and the Evolution of an Insurgency. London, Hurst.
8. Абрамова И.О. Мусульманские диаспоры Евросоюза в гендерном, поколенческом и пространственном измерении: от демографии к социальной антропологии // Ученые записки Института Африки РАН. 2016. № 1 (35). С. 25-32. (Abramova I.O. 2016. EU Muslim diasporas in gender, generational and spatial dimensions: From demography toward social anthropology // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN [Journal of the Institute for African Studies]. № 1 (35) (In Russ.)